

УДК 343.126

DOI: 10.34670/AR.2026.95.88.060

Некоторые проблемы назначения мер пресечения, избираемых судом

Гусев Алексей Васильевич

Доктор юридических наук, профессор,
Профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики,
Российский государственный университет правосудия,
350020, Российская Федерация, Краснодар, ул. Красных Партизан, 234;
e-mail: gusewlescha@yandex.ru

Нудьга Екатерина Александровна

Студент,
Российский государственный университет правосудия,
350020, Российская Федерация, Краснодар, ул. Красных Партизан, 234;
e-mail: kka_z6@mail.ru

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ актуальных проблем, возникающих в деятельности судов при избрании мер пресечения в рамках современного уголовного судопроизводства Российской Федерации. Основное внимание в рамках работы уделяется предложениям по изменению законодательства, которые способны придать институту мер пресечения более согласованный и системный характер, также проводится анализ проблемы продления мер пресечения.

Для цитирования в научных исследованиях

Гусев А.В., Нудьга Е.А. Некоторые проблемы назначения мер пресечения, избираемых судом // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 488-495.
DOI: 10.34670/AR.2026.95.88.060

Ключевые слова

Меры пресечения, уголовное судопроизводство, полномочия суда, судебная практика, заключение под стражу, домашний арест, запрет определенных действий.

Введение

Современное российское уголовное судопроизводство демонстрирует парадоксальную картину: при формально развитой, детально регламентированной системе мер пресечения фактическая практика их применения судами продолжает воспроизводить стереотипы, сложившиеся еще в советский период. На уровне нормативных конструкций законодатель последовательно декларирует приоритет минимально достаточного вмешательства в сферу конституционных прав личности, необходимость индивидуализации меры пресечения, учета как публичных, так и частных интересов. Однако реальная судебная деятельность нередко сводит эти установки к ритуальному цитированию положений УПК РФ, не трансформирующемуся в подлинно аргументированное процессуальное решение. В результате мера пресечения перестает выполнять роль гарантийного механизма и фактически превращается в инструмент процессуального упрощения, обслуживающий преимущественно интересы стороны обвинения.

В условиях сохранения устойчивого стандарта «подписка о невыезде либо заключение под стражу», о чем убедительно пишет В.В. Рудич, подчеркивая консервативность и инерционность современной системы мер пресечения [Рудич, 2020], судебное усмотрение оказывается включенным в жесткие рамки административной рутины и формализованных представлений о рисках уклонения и воспрепятствования производству. Судья, рассматривающий ходатайство следствия, нередко подстраивает свое решение под уже сложившийся практический шаблон. В такой ситуации вопрос фактически формулируется так: «имеются ли основания для отказа в аресте?», тогда как закон требует иного подхода, а именно ответа на вопрос, достаточно ли представленных данных для применения наиболее строгой меры при невозможности использования альтернативных средств. Подобная смена точки отсчета практически нивелирует заложенный в УПК РФ принцип минимальной достаточности принуждения и тем самым обуславливает необходимость не только теоретического, но и нормативного пересмотра сложившейся модели.

Основная часть

Если рассматривать меры пресечения не как абстрактный институт, а как систему конкретных средств обеспечения уголовного судопроизводства, неизбежно возникает вопрос о соответствии этой системы тем целям, которые, по замыслу законодателя и доктрины, должны определять как структуру мер, так и алгоритм их назначения судом. А.Б. Диваев, исходя из управленческого подхода к эффективности, справедливо отмечает, что принудительное средство, не позволяющее достигать поставленной цели, объективно не может считаться эффективным независимо от формального включения его в закон [Диваев, 2021]. Данная логика в полной мере применима к судебной практике избрания мер пресечения. В ситуации, когда решение суда утрачивает внутреннюю связь с целями меры, сама мера превращается либо в декларативный элемент процессуального оформления, либо в репрессивный инструмент, используемый в первую очередь по мотивам удобства и предсказуемости. Отсюда вытекает необходимость не ограничиваться констатацией выявленных дисбалансов, а предложить конкретные механизмы трансформации нормативных моделей, способных изменить практику за счет изменения конструкции закона и стандарта мотивировки решения.

Анализ становления и эволюции института мер пресечения в отечественном уголовном

процессе, проведенный А.В. Орловым, показывает, что конструкция мер пресечения исторически связана с представлениями государства о допустимых пределах вмешательства в сферу личной свободы и с доминирующим типом уголовного процесса [Орлов, 2019]. Переход от розыскной модели к состязательному процессу сопровождался не только изменением перечня мер, но и переоценкой самой идеи предварительного ограничения прав обвиняемого: от фактического отождествления содержания под стражей с наказанием к нормативному закреплению принципа минимальной достаточности принуждения. Однако указанная эволюция не может считаться завершенной. На уровне реальной практики судебного назначения мер пресечения сохраняется односторонняя направленность, что свидетельствует о том, что формальное обновление законодательства не привело к подлинному пересмотру внутренних критериев судебного усмотрения.

Ключевым отправным пунктом для обсуждения проблем назначения мер пресечения судом является вопрос о целевой природе этих мер. Доктрина, как справедливо фиксирует А.Б. Диваев, все еще далека от выработки согласованного понимания целей мер пресечения, и данное обстоятельство находит отражение в тексте закона [Диваев, 2021]. Общую цель уголовно-процессуального принуждения можно определить как охрану уголовно-процессуального порядка от противоправных посягательств участников процесса и обеспечение публичных интересов в ходе осуществления деятельности по делу. На этом фоне меры пресечения занимают в системе принуждения особое, пограничное положение. С одной стороны, они предназначены для блокирования потенциального или реального противодействия обвиняемого или подозреваемого судопроизводству. С другой стороны, они выполняют превентивную функцию, направленную на предотвращение новых преступлений, и в этой части выходят за рамки сугубо процессуальных задач [Ксендзов, 2020].

Из указанного вытекает важнейшее для судебной практики обстоятельство. Мера пресечения по своей юридической природе не является санкцией за уже допущенное нарушение процессуальных обязанностей. Она представляет собой превентивное средство, основанное на оценке риска гипотетического неблагоприятного поведения лица в будущем. В этом превентивном характере сосредоточено как принципиальное отличие меры пресечения от наказания, так и главный источник потенциального злоупотребления судебным усмотрением. Чем менее прозрачен и структурирован критерий оценивания риска, тем ближе мера пресечения по фактическим последствиям к формальному наказанию, особенно когда речь идет о заключении под стражу. Именно на данном уровне, представляется, и требуется нормативное вмешательство. Закон в его действующей редакции допускает чрезмерно широкое толкование таких категорий, как «может скрыться», «может продолжить преступную деятельность», «может воспрепятствовать производству по делу», а это находит выражение в повторяющихся шаблонных формулировках судебных актов.

В этой связи обоснованным выглядит предложение о внесении изменений в ст. 97 УПК РФ, направленных на конкретизацию оснований применения мер пресечения. Представляется возможным дополнить закон нормой, в соответствии с которой вывод о наличии риска уклонения, воспрепятствования или продолжения преступной деятельности должен строиться на совокупности конкретных фактических данных, подлежащих проверке и оценке в судебном заседании, а не на абстрактной ссылке на тяжесть предъявленного обвинения. Такое дополнение может быть реализовано в виде новой части статьи, в которой был бы дан ориентирующий перечень критериев, например: сведения о предыдущих попытках уклонения, о зафиксированных попытках воздействия на свидетелей, о сознательных нарушениях ранее

избранных мер, о наличии устойчивых криминальных связей. При этом закон должен сохранять открытый характер перечня, но уже в рамках установленного стандарта доказанности риска.

Не менее важным является уточнение ст. 99 УПК РФ. В действующей редакции этой статьи закрепляется перечень обстоятельств, подлежащих учету судом, однако сама конструкция не содержит прямого требования мотивированно сопоставлять каждое из указанных обстоятельств с вопросом о возможности применения более мягкой меры. Представляется оправданным дополнить ст. 99 УПК РФ нормой, возлагающей на суд обязанность в каждом случае избрания меры пресечения, связанной с лишением свободы, такой как заключение под стражу или домашний арест, приводить в мотивировочной части решения аргументы, объясняющие невозможность применения иных, менее строгих мер, в том числе залога и запрета определенных действий. В результате в законе могла бы закрепиться своеобразная обратная презумпция, речь шла бы не о необходимости оправдывать более мягкую меру, а об обязанности обосновывать отказ от ее применения.

Показательна в данном контексте позиция В.В. Рудича, который, анализируя современную систему мер пресечения, приходит к выводу о ее неэффективности и структурной устарелости, в том числе по причине сохранения в законе и практике так называемых мер психологического характера [Рудич, 2020]. Автор убедительно демонстрирует, что использование средств, не обеспеченных реальными механизмами контроля и исполнения, приводит к снижению доверия к институту в целом и стимулирует правоприменителя обращаться к максимально жестким мерам, прежде всего к содержанию под стражей. С точки зрения законодательной техники подобный вывод должен означать не только пересмотр самого перечня мер пресечения, но и перераспределение акцентов между ними. Вместо фактического доминирования ареста целесообразно создать условия, при которых суд будет стимулирован применять гибкие и комбинируемые средства, прежде всего запрет определенных действий и залог.

Проблема усеченности реального выбора суда особенно отчетливо проявляется при анализе таких мер, как залог, домашний арест и запрет определенных действий. Эмпирические данные, приведенные А.Б. Диваевым и подтвержденные более поздним исследованием Л. И. Лавдаренко, Л.П. Плесневой и В.А. Воткина, свидетельствуют о крайне ограниченном числе случаев применения указанных мер по сравнению с заключением под стражу [Диваев, 2021; Лавдаренко, Плеснева, Воткин, 2022]. При этом запрет определенных действий, который законодатель первоначально задумывал как гибкий и индивидуализируемый инструмент настройки режима ограничения прав, оказывается в реальной практике либо придатком к домашнему аресту или залогу, либо используется в минимальной конфигурации. Для преодоления подобной дисфункции одного лишь разъяснения Верховного Суда явно недостаточно, поэтому необходимы точечные изменения в самом УПК РФ.

В качестве одного из наиболее перспективных направлений представляется пересмотр конструкции ст. 105.1 УПК РФ. Закон может быть дополнен положением, согласно которому запрет покидать жилое помещение не рассматривается как самостоятельная мера пресечения, а включается в содержание домашнего ареста. Такое решение позволило бы устранить искусственное дробление конструкций, затрудняющее оценку степени вмешательства в права обвиняемого. Кроме того, необходимо законодательно закрепить требование конкретизации каждого запрета. Общие формулировки, подобные запрету общаться с участниками уголовного судопроизводства, должны быть признаны недопустимыми. Суд обязан указывать конкретные категории лиц или индивидуализированных участников, а также временные пределы действия запрета. Несоблюдение указанных требований должно квалифицироваться как существенное

нарушение уголовно-процессуального закона и влечь отмену соответствующего решения.

Не менее важной представляется переработка ст. 106 УПК РФ, регулирующей залог. Как справедливо отмечает А.Б. Диваев, отсутствие понятных и общеприменимых критериев определения размера залога ведет к произволу и снижению доверия к данной мере [Диваев, 2021]. В этой связи целесообразно дополнить указанную статью ориентировочными параметрами расчета суммы залога. К их числу могут быть отнесены данные о доходах лица, величина причиненного ущерба, тяжесть предъявленного обвинения, а также характер и размер возможного наказания. В то же время закон не должен превращать такие параметры в жесткую формулу, но обязан закрепить правило, согласно которому суд не вправе устанавливать заведомо непосильный для обвиняемого залог. Вывод о размере залога должен подлежать отдельному мотивированному обоснованию. Логичным представляется и дополнение ст. 108 УПК РФ прямым указанием на необходимость проверки возможности применения залога при рассмотрении вопроса о заключении под стражу. В этом случае суд, избирая арест, должен не только сослаться на основания для его применения, но и мотивировать невозможность достижения целей меры пресечения путем использования залога, в том числе в сочетании с запретом определенных действий.

Современная судебная практика назначения мер пресечения, если судить по анализу конкретных судебных актов и разъяснений Верховного Суда РФ, характеризуется устойчивой тенденцией к воспроизведению формализованных и однотипных подходов [Диваев, 2021]. Несмотря на нормативное требование индивидуализировать условия применения каждой меры, суды часто опираются на стереотипные аргументы, сводящиеся к тяжести обвинения и абстрактной вероятности уклонения от следствия и суда. Подобная практика, как справедливо указывают А.Б. Диваев и Л.И. Лавдаренко с соавторами, подрывает эффективность мер пресечения, поскольку судебное решение утрачивает связь с их материальными целями и превращается в элемент ритуального процессуального поведения [1; 4 Диваев, 2021; Лавдаренко, Плеснева, Воткин, 2022]. В такой ситуации принципиальное значение приобретает вопрос о стандарте мотивировки, который может и должен быть закреплен непосредственно на уровне закона. Помимо уже обозначенных поправок к ст. 99 УПК РФ возможно дополнить ст. 7 нормой, устанавливающей, что мотивировка судебного решения по вопросу о мере пресечения должна содержать описание конкретных фактических обстоятельств, послуживших основанием для вывода о наличии или отсутствии риска, а также анализ возможности применения альтернативных мер.

Отдельного внимания заслуживает проблема продления мер пресечения. Практика автоматического продления сроков содержания под стражей, отмеченная как в судебных актах кассационных судов, так и в научной литературе [Диваев, 2021], вступает в очевидное противоречие с подходом, закрепленным в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 41 от 19 декабря 2017 г. В указанном акте подчеркивается, что каждое продление требует повторной и самостоятельной проверки оснований. Нормативным ответом на данную проблему может стать дополнение ст. 109 УПК РФ положением о том, что при каждом обращении с ходатайством о продлении срока содержания под стражей орган расследования обязан представить суду сведения о совершенных за истекший период процессуальных действиях, а также о причинах невозможности завершения расследования. Суд, в свою очередь, должен оценивать не только наличие или отсутствие рисков, но и процессуальную добросовестность стороны обвинения. Несоблюдение указанного стандарта должно влечь отказ в продлении меры пресечения и обязательное обсуждение вопроса о ее замене более мягкой.

Историко-правовой анализ, проведенный А.В. Орловым, показывает, что современная

ситуация имеет системный характер. Институт мер пресечения в России традиционно развивался в логике приоритета публичного интереса и фактически исходил из того, что ограничение свободы является нормой, а не исключением [Орлов, 2019]. В связи с этим простые призывы к гуманизации судопроизводства не способны изменить практику без одновременного изменения конструкции самого закона. Именно поэтому представляется оправданным не ограничиваться точечными дополнениями УПК РФ разъясняющими формулами, а пересматривать базовый принцип выбора меры пресечения. Такой принцип может быть сформулирован в отдельной норме, в которой заключение под стражу будет прямо квалифицировано как крайняя мера, допустимая лишь при невозможности достижения целей уголовного судопроизводства иными, менее ограничительными средствами.

Указанные предложения по изменению законодательства, если они будут реализованы, способны придать институту мер пресечения более согласованный и системный характер. В настоящее время отчетливо наблюдается асимметрия между провозглашенным приоритетом свободы и фактической ориентированностью практики на заключение под стражу как базовую меру. Преодоление этого дисбаланса предполагает сочетание трех ключевых компонентов. Во-первых, требуется уточнить цели и основания мер пресечения на уровне общих положений УПК РФ. Во-вторых, необходимо переработать специальные нормы, регулирующие залог, запрет определенных действий и продление сроков содержания под стражей. В-третьих, важно изменить стандарт мотивировки судебных решений, в том числе путем закрепления обязанности суда аргументированно рассматривать возможность применения наиболее мягкой меры в каждом конкретном случае.

Заключение

Поэтому совершенствование института мер пресечения в российском уголовном процессе вряд ли может быть сведено к отдельным техническим поправкам или к принятию еще одного Постановления Пленума. Речь идет о постепенном, но принципиальном переосмыслении роли суда как органа, осуществляющего не только контроль за законностью и обоснованностью ограничения свободы, но и ответственное управление рисками, возникающими в ходе уголовного судопроизводства. Эволюция судебной практики в данном направлении предполагает отказ от формализованных схем и переход к подлинно индивидуализированным решениям, основанным на проверяемых фактических данных и прозрачных критериях оценки. Только при таких условиях провозглашенный в законе баланс между интересами правосудия и правами личности перестанет носить сугубо декларативный характер и получит реальное содержание.

Библиография

1. Диваев А.Б. К вопросу об эффективности применения и исполнения мер пресечения в уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021.
2. Исаева Р.М., Файрушина Р.Д. Особенности влияния принципов уголовного процесса при применении мер пресечения, избираемых по решению суда // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития : материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 12 ноября 2021 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – С. 183-188.
3. Ксендзов Ю.Ю. Меры пресечения в виде запрета определенных действий, залога, домашнего ареста: вопросы их соотношения и практики применения // Право и политика. – 2020. – № 8.
4. Лавдаренко Л.И., Плеснева Л.П., Воткин В.А. Меры пресечения: проблемы правового регулирования и

- правоприменительной практики // Академический юридический журнал. – 2022.
5. Новикова Е.А., Винокуров Э.А., Лукьянчикова В.В., Архипцев И.Н. К вопросу о законодательном регулировании и практике применения мер пресечения, избираемых по решению суда в уголовном процессе России // Пробелы в российском законодательстве. – 2019. – № 4. – С. 198-202.
 6. Орлов А.В. Система мер пресечения в России: история становления и перспективы развития // Юридическая наука. – 2019.
 7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 41 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2014. – № 2. – (ред. от 27.05.2025).
 8. Рудич В.В. О современной системе мер уголовно-процессуального принуждения (мер пресечения) // Российский судья. – 2020.
 9. Burnashov Y.Y. Mery presecheniya v vide zapreta opredelennykh deystviy, zaloga, domashnego aresta: voprosy ikh sootnosheniya i praktiki primeneniya [Preventive measures in the form of a prohibition of certain actions, bail, house arrest: issues of their correlation and practice of application]. Pravo i politika, 2020, № 8.
 10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. – 22 декабря. – № 249. – (ред. от 27.10.2025).

Some Problems of Imposing Preventive Measures Selected by the Court

Aleksei V. Gusev

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics,
Russian State University of Justice,
350020, 234, Krasnykh Partizan str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: gusewlescha@yandex.ru

Ekaterina A. Nud'ga

Student,
Russian State University of Justice,
350020, 234, Krasnykh Partizan str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: kka_z6@mail.ru

Abstract

The article provides a comprehensive analysis of current problems arising in the activities of courts when selecting preventive measures within the framework of modern criminal proceedings in the Russian Federation. The main attention in the work is paid to proposals for changing legislation that can give the institution of preventive measures a more coordinated and systemic character, and an analysis of the problem of extending preventive measures is also carried out.

For citation

Gusev A.V., Nud'ga E.A. (2026) Nekotorye problemy naznacheniya mer presecheniya, izbiraemykh sudom [Some Problems of Imposing Preventive Measures Selected by the Court]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 488-495. DOI: 10.34670/AR.2026.95.88.060

Keywords

Preventive measures, criminal proceedings, powers of the court, judicial practice, detention, house arrest, prohibition of certain actions.

References

1. Burnashov, Y. Y. (2020). Mery presecheniya v vide zapreta opredelennykh deystviy, zaloga, domashnego aresta: voprosy ikh sootnosheniya i praktiki primeneniya [Preventive measures in the form of a prohibition of certain actions, bail, house arrest: issues of their correlation and practice of application]. *Pravo i politika*, (8).
2. Divayev, A. B. (2021). K voprosu ob effektivnosti primeneniya i ispolneniya mer presecheniya v ugolovnom protsesse [On the issue of the effectiveness of the application and execution of preventive measures in criminal proceedings]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*.
3. Isayeva, R. M., & Fayrushina, R. D. (2021). Osobennosti vliyaniya printsipov ugolovno protsessa pri primenenii mer presecheniya, izbirayemykh po resheniyu suda [Peculiarities of the influence of the principles of criminal procedure in the application of preventive measures elected by court decision]. In *Ugolovnoye sudoproizvodstvo Rossii i zarubezhnykh gosudarstv: problemy i perspektivy razvitiya* (pp. 183-188). Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
4. Ksendzov, Y. Y. (See Burnashov, Y. Y.)
5. Lavdarenko, L. I., Plesneva, L. P., & Votkin, V. A. (2022). Mery presecheniya: problemy pravovogo regulirovaniya i pravoprimeritelnoy praktiki [Preventive measures: problems of legal regulation and law enforcement practice]. *Akademicheskyy yuridicheskyy zhurnal*.
6. Novikova, E. A., Vinokurov, E. A., Lukyanchikova, V. V., & Arkhiptsev, I. N. (2019). K voprosu o zakonodatelnom regulirovanii i praktike primeneniya mer presecheniya, izbirayemykh po resheniyu suda v ugolovnom protsesse Rossii [On the issue of legislative regulation and practice of applying preventive measures elected by court decision in the Russian criminal process]. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*, (4), 198-202.
7. Orlov, A. V. (2019). Sistema mer presecheniya v Rossii: istoriya stanovleniya i perspektivy razvitiya [The system of preventive measures in Russia: history of formation and development prospects]. *Yuridicheskaya nauka*.
8. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. (2017). Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 19 dekabrya 2017 g. № 41 «O praktike primeneniya sudami mer presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu, domashnego aresta i zapreta opredelennykh deystviy» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 41 of December 19, 2017 "On the practice of application by courts of preventive measures in the form of detention, house arrest and prohibition of certain actions"]. *Byulleten Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*, (2).
9. Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ [Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001]. *Rossiyskaya gazeta*, (249).
10. Rudich, V. V. (2020). O sovremennoy sisteme mer ugolovno-protsessualnogo prinuzhdeniya (mer presecheniya) [On the modern system of measures of criminal procedural coercion (preventive measures)]. *Rossiyskiy sudya*.